

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.161.1.28+ 81'373.613

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-57-66>

Шифр научной специальности 5.9.5

Этнолингвокультурное взаимодействие на российско-китайском пограничье

Синьхао ЦЗЯН

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

400066, Российская Федерация, г. Волгоград, просп. Ленина, 27

✉ 1229723750@qq.com

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Проблемы диалога культур и диалога языков на русско-китайском пограничье в настоящее время активно привлекают исследователей. В процессе взаимодействия между этносами на восточном участке границы России и Китая неизбежно происходит обмен информацией, которая содержится в политических заявлениях, медиатекстах, произведениях науки, техники, художественной литературы, а также через стихийные информационные потоки при неофициальном общении участников коммуникации. Цель исследования – описание взаимодействия языков на русско-китайском пограничье. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом послужили записи речи жителей Дальнего Востока. Основным методом является описательный, включающий процедуры сбора материала, его первичного анализа, изложения полученных результатов и их характеристик. Используются также элементы сопоставительного метода при сравнении данных русского и китайского языков. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Необходимо разделять такие понятия, как «региолект» и «регионализм». На Дальнем Востоке нет особого региолекта, но к особенностям речи жителей Приамурья и Приморья относятся регионализмы, которые всегда представлены в диалектах, социолектах, городской речи на всей территории распространения русского языка. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Основное взаимодействие между культурами и языками русского и китайского народов происходит на восточном участке границы между странами, где проживает более 80 миллионов человек. В русско-китайском пограничье отмечаются китаизмы в русской лингвокультуре и русизмы – в китайской. Широко представлены в речи жителей по обе стороны границы русские и китайские онимы всех разрядов, которые функционируют в диалектной, городской речи и включаются писателями в художественные тексты о жизни людей по обе стороны границы.

Ключевые слова: пограничье, Китай и Россия, взаимодействие лингвокультур, региолект, русизм и китаизм

Для цитирования: Цзян Синьхао. Этнолингвокультурное взаимодействие на российско-китайском пограничье // Неофилология. 2024. Т. 10. № 1. С. 57-66. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-57-66>

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Ethno-linguistic and cultural interaction on the Russian-Chinese borderland

Xinhao JIANG

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin Ave., Volgograd, 400066, Russian Federation
✉ 1229723750@qq.com

Abstract

INTRODUCTION. Problems of dialogue of cultures and dialogue of languages on the Russian-Chinese borderland are currently actively attracting researchers. In the process of interaction between ethnic groups on the eastern section of the border between Russia and China, an exchange of information inevitably occurs, which is contained in political statements, media texts, works of science, technology, fiction, as well as through spontaneous information flows during informal communication between communication participants. The purpose of the study is to describe the interaction of languages on the Russian-Chinese borderland. **MATERIALS AND METHODS.** The material consists of recordings of speech of residents of the Far East. The main method is descriptive, which includes procedures for collecting material, its primary analysis, presentation of the results obtained and their characteristics. Elements of the comparative method are also used when comparing data from the Russian and Chinese languages. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is necessary to separate concepts such as “regiolect” and “regionalism”. There is no special regionalism in the Far East, but the peculiarities of the speech of the inhabitants of the Outer Manchuria and Primorye regions include regionalisms, which are always represented in dialects, sociolects, and urban speech throughout the territories of distribution of the Russian language. **CONCLUSION.** The main interaction between the cultures and languages of the Russian and Chinese peoples occurs on the eastern section of the border between the countries, where more than 80 million people live. In the Russian-Chinese borderland, Chineseisms are noted in Russian linguistic culture and Russianisms in Chinese. Russian and Chinese onyms of all categories are widely represented in the speech of residents on both sides of the border, which function in dialect, urban speech and are included by writers in literary texts about the lives of people on both sides of the border.

Keywords: borderland, China and Russia, linguistic cultures interaction, regionalism, Russianism and Chineseism

For citation: Jiang Xinhao. Ethno-linguistic and cultural interaction on the Russian-Chinese borderland. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(1):57-66 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-57-66>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Исследования в области взаимодействия языка и культуры имеют давнюю историю, но активизировались в настоящее время в связи с укреплением диалога культур и диалога языков на русско-китайском пограничье.

Основное взаимодействие между культурами и языками русского и китайского народов происходит на восточном участке гра-

ницы между странами, где проживает более 80 миллионов человек. К российско-китайскому пограничью относятся с севера Приморский, Хабаровский, Забайкальский края, Амурская область и Еврейская автономная область России, а с юга – Автономный район Внутренняя Монголия, провинция Хэйлуцзян и входящий в провинцию Цзилинь (Гирич) Яньбянь-Корейский автономный округ КНР. Территория пограничья окончательно сформирова-

лась в 1860 г. после подписания Пекинского договора (трактата). Важным фактором этнолингвокультурного взаимодействия русских и китайцев стало строительство Китайской восточной железной дороги. Особенности речи жителей Приамурья и Приморья можно определить как регионализмы (термин А.С. Герда), которые всегда представлены в диалектах, социолектах, городской речи на всей территории распространения русского языка. В русско-китайском пограничье представлено некоторое количество китаизмов в русской лингвокультуре и русизмов – в китайской. Широко представлены в речи жителей по обе стороны границы русские и китайские онимы всех разрядов. Эти единицы функционируют в диалектной и городской речи, включаются писателями в художественные тексты о жизни людей по обе стороны границы.

Живущие по соседству этносы неизбежно вступают во взаимодействие в различных сферах их жизни: экономической, политической, культурной, военной и т. п. С такой же неизбежностью происходит взаимодействие соседних языков, приводящее к конвергенции, под которой понимается «развитие сходных черт у двух или нескольких языков независимо от общности происхождения, обычно вследствие территориальной близости, тесных культурных связей и т. п.» [1, с. 202]. Конвергентные процессы приводят к появлению языковых союзов, пиджинов, региолектов и диалектов, отражающих особенности соседнего языка, и пр. В значительной степени на формирование этих лингвальных феноменов и идиомов оказывает воздействие межкультурная коммуникация и диалог культур.

Диалог культур происходит с помощью *диалога* языков. «Все многообразные области человеческой деятельности связаны с использованием языка» [2, с. 250]. В процессе взаимодействия между этносами неизбежно происходит обмен информацией, которая содержится в политических заявлениях, медиатекстах, произведениях науки, техники, художественной литературе, а также через стихийные информационные потоки при неофициальном общении участников коммуникации. Блестяще о многообразии языков и отражении в них образа мира сказал классик языко-

знания немецкий учёный В. фон Гумбольдт: «Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаём в нём; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчётливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа, поэтому в нём не следует бояться ни изощрённости, ни избытка фантазии, которые кое-кто считает нежелательными. То, что они дают нам сразу, есть полная, чистая и простая человеческая природа, если же мы проникаем в глубины их тайн, в нашу сухую рассудочность врывается свежая струя неувядающей фантазии других народов, заключающих каждое впечатление, которое юный мир дарит их ещё не притупившимся чувствам, в оболочку живого и подвижного образа» [3, с. 349].

Рассматриваемая научная проблема связана с определением особенностей функционирования языков в межэтническом пограничье.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом послужили записи речи жителей Дальнего Востока. Основным методом является описательный, включающий процедуры сбора материала, его первичного анализа и систематизации. Использованы элементы сопоставительного метода при сравнении данных русского и китайского языков. Объектом исследования явились факты заимствования лексических единиц, включая онимы, в результате взаимодействия языков в русско-китайском пограничье. Предмет исследования составили процессы фонетико-грамматического оформления заимствованных единиц в контактирующих языках. Последовательно рассмотрены этапы взаимодействия русской и китайской лингвокультур и отражение этих контактов в лексическом составе речи жителей пограничья.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Взаимодействие языков и культур может быть дистантным и контактным. При контактном взаимодействии этносов обязательно

наступает языковой контакт – «соприкосновение языков, возникающее вследствие особых географических, исторических и социальных условий, приводящих к необходимости языкового общения человеческих коллективов, говорящих на разных языках» [1, с. 535].

Контактное культурное и лингвальное взаимодействие народов происходит в пограничье, которое Большой академический словарь русского языка определяет так: «Территория, расположенная у границы чего-л., между чем-л.», при этом все иллюстрации в словарной статье относятся к границе между государствами [4, с. 370]. Эта лексема образована конфиксальным способом от слова «граница» – «условная линия раздела между территориями; рубеж» [5, с. 226]. Национальная граница всегда совпадает с языковой, она часто также является государственной; при этом с обеих сторон границы располагается пограничье, в котором происходит с разной степенью интенсивности этнолингвокультурное взаимодействие.

Современная российско-китайская граница имеет протяжённость в 4209,3 км. Она распадается на два участка: основной восточный и небольшой западный (около 50 км). Между ними расположена Монголия, граница которой с Россией тянется на 3485 км. Большая часть российско-китайской границы проходит по фарватеру рек Аргуни, Амура и Уссури (3489 км), 70 км проходит по озеру Ханка, сухопутная часть границы составляет 650,3 км. Западный участок границы проходит по труднодоступным хребтам Южного Алтая, Монгольского Алтая и отрогов хребта Сайлюгема. К нему примыкают территории со стороны Китая Синьцзян-Уйгурский автономный округ и со стороны России Республика Алтай. Из-за краткости границы и её труднодоступности ощутимые русско-китайские лингвокультурные контакты здесь не происходят.

История взаимодействия между Россией и Китаем, между русским и китайским народами насчитывает более четырёх столетий. Некоторые китайские исследователи полагают, что первые контакты Руси и Китая происходили уже во времена династии Юань (元朝 [Yuáncháo], 1271–1368), когда Китай и Русь были подчинены Монгольской державе

и между ними были кратковременные отношения, однако это были, скорее, русско-монгольские отношения, чем русско-китайские. Такими же контактами между русскими и монголами были поездки в столицу Монгольской империи Каракорум в 1245 г. великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича (1191–1246), а затем его сыновей Александра и Андрея, которые провели в пути в Сарай и Каракорум более трёх лет и вернулись на Русь только в начале 1250 г. [6, с. 14].

Династия Мин (1368–1644) была занята укреплением своей власти, созданием армии и флота, подавлением восстаний, увеличением числа ханцев среди её подданных, поэтому далёкая страна на севере не была в центре её интересов. Но по мере сближения территориальных владений России и Китая начались новые попытки установления более или менее устойчивых дипломатических и торговых связей. При императоре Чжу Чанпо (朱常洛, 1585–1620) был осуществлён первый официальный контакт между русскими и китайцами. В 1618 г. первое русское посольство, которое возглавил томский казак Иван Петлин, в составе более 10 человек было направлено из Тобольска в Пекин [6, с. 15]. В XVII веке освоение русским землепроходцами Сибири и Дальнего Востока открыло новый этап в развитии страны и способствовало превращению России в крупную тихоокеанскую державу, при этом Москва стала проявлять большой интерес к восточным соседям.

При маньчжурской династии Цин, пришедшей в 1644 г. на смену династии Мин, продолжились контакты с русскими. Первоначально они вылились в военные столкновения. В 1649–1689 гг. произошла серия стычек между русскими и цинскими войсками на Амуре в районе Албазинской крепости, названной в честь даурского князя Албазы (阿尔巴西, *Aerbaxi*). Они завершились подписанием 27 августа (6 сентября) 1689 г. Нерчинского договора. Это был первый мирный договор между Россией и Китаем, определивший границу и отношения между двумя государствами. В Нерчинске начинает активно развиваться пограничная торговля. Она сыграла важную роль в экономическом сбли-

жении двух соседних государств, во взаимном ознакомлении с обычаями и нравами их народов¹.

В 1708 г. император Канси (1654–1722) вёл войну с Московским государством в Приамурье. Он распорядился создать специальное заведение для подготовки дипломатов и переводчиков, с этой целью была открыта Школа русского языка при Дворцовой канцелярии (内閣俄罗斯文官). В ней студенты обучались 5 лет, после чего сдавали письменный экзамен [7]. При императоре Канси в Китае впервые появилось православие. В ходе военных действий у Албазина (Яксы) в 1686 г. было захвачено немало русских пленных, часть из них была размещена в Пекине и Шэнцзине (ныне – Шэньян). В столице русские были расселены в переулке Хуцзяцюань, их приписали ко «второму жёлтому знамени» восьмизнаменных войск. В их распоряжение был передан храм, посвящённый богу преданности и храбрости, богатства и защиты Гуаньгуну, который стал русской Никольской часовней. Позже она была преобразована в храм святой Софии.

30 апреля 1715 г. в Пекин прибыла первая духовная миссия Русской православной церкви во главе с архимандритом Илларионом (Лейжайским). После подписания в 1727 г. китайско-русского Кяхтинского договора духовные миссии из России направлялись в Китай периодически. Существенный вклад в развитие русско-китайских отношений и в деятельность Школы русского языка оказал архимандрит Палладий (Пётр Иванович Кафаров) (1817–1878), который 30 лет (1840–1847, 1849–1859, 1864–1878) проработал в Пекине в составе Русской духовной миссии [8, с. 18].

Большое влияние на формирование русско-китайского пограничья оказали опиумные войны в Китае. В Первой опиумной войне Россия не участвовала, однако дипломатическая миссия генерал-майора Николая Павловича Игнатьева (1831–1908) привела к ратификации китайским правительством Айгунского договора, подписанного генерал-губернатором

Восточной Сибири графом Николаем Николаевичем Муравьевым (получившим за это прибавку к фамилии Амурский) и статским советником Петром Перовским с российской стороны и амурским главнокомандующим князем Айсиньгёро Ишанем (愛新覺羅·奕山; 1790–1878) и помощником дивизионного начальника Дзиранингой – с китайской. Этот договор заменил Нерчинский. Левый берег Амура от реки Аргуни до устья признавался за Россией, а Уссурийский край от впадения Уссури в Амур до моря оставался в общем владении династии Цин и России.

Во Второй опиумной войне Россия в обмен на территориальные уступки оказала Цинской империи военную помощь. 2 ноября 1860 г. стараниями Н.П. Игнатьева, лично разработавшего положения документа, был подписан Пекинский договор (трактат), по которому Уссурийский край отошёл к России [8]. Ещё раньше 20 июня (2 июля) 1860 г. на транспорте «Манджур» в бухту Золотой Рог было доставлено воинское подразделение, которое приступило к строительству военного поста, получившего официальное название Владивосток [9]. Так окончательно сложилась территория русско-китайского пограничья, которая (с небольшими коррективами) существует и поныне.

Важным фактором этнолингвокультурного взаимодействия русских и китайцев стало строительство Китайской восточной железной дороги (КВЖД). Причины её построения заключались в том, что в 60-е гг. XIX века царское правительство осознало необходимость укрепления обороноспособности тихоокеанских рубежей России. Япония проводила агрессивную политику на Дальнем Востоке, события Японо-китайской войны 1894–1895 гг. показали не только унижительные для Китая результаты этой войны, отражённые в Симонсекском договоре, но и уязвимость России в данном регионе, что было связано с оторванностью Приамурья и Приморья от центральных районов страны.

22 мая 1896 г. облечённый полномочиями маньчжурского правительства видный цинский сановник и дипломат Ли Хунчжан (李鴻章, 1823–1901) и министр финансов

¹ 张维华, 孙西. 清前中俄关系. 济南: 山东教育出版社, 1997. 359页.

царского правительства Сергей Юльевич Вите (1849–1915) подписали в Москве Договор о союзе и постройке КВЖД [10, с. 136]. В Китай стали прибывать инженеры, техники, рабочие из России. На строительство нанимались китайские рабочие из провинций Шаньдунь и Хэбэй.

Однако почти в самом начале возникли трудности со строительством. 2 ноября 1899 г. ихэтуани (义和团运动, «отряды гармонии и справедливости») призвали весь китайский народ бороться с иностранцами и династией Цин. Многие участники организаций регулярно занимались физическими упражнениями (*цюань*), напоминая бокс, за что впоследствии их европейцы прозвали *боксерами* [11]. В мае 1900 г. они сожгли храм и школу русской православной миссии на севере Китая, 14 мая было сожжено здание Русской православной миссии в Бэйгуане в провинции Хэнань. 19 июня повстанцы напали на строящуюся КВЖД. Они жестоко убивали христиан, сжигали их храмы. Строительство КВЖД было приостановлено, русские инженеры и рабочие уехали в Забайкалье. Охранники были включены в состав войск, выступивших на борьбу с ихэтуанями. Последний отряд боксёров был уничтожен в Маньчжурии в июле 1902 г. русскими казаками. После этого строительство КВЖД было продолжено [12].

Для избежания повторения подобных инцидентов приамурский генерал-губернатор Николай Иванович Гродеков (1843–1913) предложил заселить полосу отчуждения КВЖД русскими людьми, которые могут организовать хотя бы первоначальную защиту железной дороги от вооружённых нападений, поскольку охранная стража, разбросанная по всей обширной территории КВЖД, численно недостаточна [13, с. 198].

В 1903 г. Китайская восточная железная дорога была построена. В Китае появились новые города Дальний, Маньчжурия и Харбин. Последний стал центром Маньчжурии. Он был многонациональным городом. Среди его жителей были русские, китайцы, украинцы, белорусы, татары, евреи, маньчжуры, поляки, литовцы, немцы и др.

КВЖД оказала влияние не только на развитие экономики севера Китая, но и на систему образования, и на всю культурно-просветительскую жизнь региона. В Харбине открывались школы, училища, вузы, в которых проходило обучение местных жителей разным специальностям [14 с. 324]. К началу Первой мировой войны подданные России составляли в Харбине 64,5 % от общего числа жителей [15, с. 62]. В городе звучала русская речь, действовали православные храмы. В дальнейшем в ходе сложных, часто трагических событий в истории КВЖД и прилегающей к ней территории число русских значительно сократилось, однако память об этноязыковом взаимодействии на российско-китайском пограничье сохранилась в особенностях диалекта, ономастики, лингвокультуры региона.

Возникшие и укрепляющиеся на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири города и сёла постепенно вырабатывали свои особенности речи, свою ономастику, создавали из разных диалектов переселенцев общий идиом, формировали местные традиции и обычаи, которые закреплялись в лингвокультуре. Сюда приезжали в некоторые периоды истории значительное число китайцев, которые участвовали, прежде всего, в экономической жизни, но своим присутствием и соблюдением национальных праздников и традиций вносили вклад в общественную жизнь пограничья. Находили отражение китаизмы и в речи местного русского и русскоязычного населения. Всё это даёт основания некоторым учёным говорить о дальневосточном региолекте.

Термин *региолект* был введён в русскую лингвистику в 1990-е гг. ленинградским (петербургским) учёным Валентином Ивановичем Трубинским (1927–2010), который, анализируя состояние современных диалектов русского языка, пришёл к выводу, что они уже не повторяют классического диалектного членения идиома. Он назвал эти новые достаточно крупные территориально-системные образования *региолектами*. Его статья была опубликована в региональном научном сборнике, вышедшем небольшим тиражом, поэтому широкого обсуждения в научном мире не получила. В российской лингвистике этот

термин стал известным после его употребления в работах известного российского этнолингвиста и лексикографа А.С. Герда (1936–2016). Он дал определение термину «региолект» и установил его статус: особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности; он, с одной стороны, не достиг ещё статуса стандартного литературного языка, а с другой – в силу наличия многих ареально варьирующихся черт – не совпадает полностью с городским просторечием. Учёный выстраивает триаду: диалект – региолект – просторечие и отмечает: «Выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устного речевого общения больших групп этноса на определённой территории» [16, с. 22-23].

Термин был подхвачен многими учёными России. Он вошёл в новый словарь лингвистических терминов, в котором ошибочно отмечено, что термин предложен А.С. Гердом. В качестве критерия выделения идиома выделено его функционирование в группе некрупных городов, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга, основными носителями названы местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений [17, с. 300]. В.И. Теркулов выявил в Донбассе наличие донецкого региолекта [18]. А.П. Майоров выделял самостоятельные забайкальский и амурский региолекты [19, с. 52].

Активно продвигает идею о существовании дальневосточного региолекта Е.А. Оглезнева [20, с. 66]. Учёный слишком расширительно трактует термин, поскольку в Дальневосточный федеральный округ (ДФО) входят 11 субъектов: республики Бурятия, Саха-Якутия, Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ. Вряд ли стоит ожидать, что на всей этой огромной территории существует некий единый региолект. В одной из своих последних работ учёный употребляет параллельно термин *дальневосточный вариант русского языка*, обнаруживая в нём китаизмы *куня*

(«девушка, молодая женщина»), *нихао* («китайское приветствие» – «здравствуйте»), *фанза* («жилище, квартира невысокого качества»), *фуюань*, *фувуюань* («обслуживающий персонал в гостинице, ресторане»), *хана* («китайская водка»), *чисанчи*, *тисанчи* («название блюда китайской кухни из баклажанов, картофеля и зелёного перца»), *чифан* («китайская еда, блюда китайской кухни») и др. [21, с. 12]. Вероятно, и здесь можно говорить о Приамурье и Приморье, поскольку вряд ли данные лексемы получили распространение в Якутии, в Магаданской области и в других регионах ДФО.

В.И. Супрун считает, что о региолекте можно говорить в том случае, когда он соответствует следующим характеристикам: 1) ограничен территориально, встречается только на территории проживания субэтноса; 2) ограничен социально, является речью людей, причисляющих себя к субэтносу; 3) имеет гомогенные лингвальные черты; 4) может обладать престижностью, связанной с позитивными представлениями носителей о своём субэтносе; 5) имеет собственное онимическое пространство, состоящее из особых моделей онимообразования и характерных только для этого субэтноса онимов; 6) включает в свой состав говоры с некоторыми специфическими лингвальными чертами, однако не разрушающими гомогенное единство народной речи; 7) представлен в фольклорных, художественных и публицистических текстах [22, с. 840-841]. «Его отличие от диалекта заключается в более чётком лингвогеографическом отграничении от других идиомов, осознанием носителями региолекта своего лингвального единства и специфики своей речи, представленностью в лексиконе значительной части особой социокультурной лексики» [23, с. 96].

На Дальнем Востоке подобной субэтнической общности нет, следовательно, нет особого региолекта. Особенности речи жителей ДФО, прежде всего в Приамурье и Приморье, мы можем определить как *регионализмы*, которые всегда представлены в диалектах, социолектах, городской речи на всей территории распространения русского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, основное взаимодействие между культурами и языками русского и китайского народов происходит на восточном участке границы между странами, где проживает более 80 миллионов человек. К российско-китайскому пограничью относятся с севера Приморский, Хабаровский, Забайкальский края, Амурская область и Еврейская автономная область России, а с юга – провинция Хэйлунцзян, автономный район Внутренняя Монголия и входящий в провинцию Цзилинь (Гирин) Яньбянь-Корейский автономный округ КНР. Территория пограничья окончательно сформировалась в 1860 г. после подписания Пекинского договора (трактата). Важным фактором этнолингвокультурного взаимодействия русских и китайцев стало строительство Китайской восточной желез-

ной дороги. Особенности речи жителей Приамурья и Приморья можно определить как регионализмы, которые всегда представлены в диалектах, социолектах, городской речи на всей территориях распространения русского языка. В русско-китайском пограничье представлено некоторое количество китаизмов в русской лингвокультуре и русизмов – в китайской. Широко представлены в речи жителей по обе стороны границы русские и китайские онимы всех разрядов, которые функционируют в диалектной, городской речи и включаются писателями в художественные тексты о жизни людей по обе стороны границы. Особое место занимает литература русского зарубежья, созданная писателями, проживающими в Северном Китае. Изучение китаизмов в произведениях русских писателей является перспективой дальнейших изысканий.

Список источников

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры: пер. с нем. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.В. Гулыги и Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
4. Большой академический словарь русского языка. Т. 17 / гл. ред. А.С. Герд. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2011. 671 с.
5. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. 库兹涅佐夫俄语大词典. Пекин: Изд-во 商务印书馆 (Shangwu Yinshuguan), 2020 年·北京. 1492 с.
6. *Супрун В.И., Ван Цзятун.* Источники по истории китаизмов в русском языке: сообщение о Китае в русских текстах XVII–XIX веков // Вестник ДонНУ. Серия Д: Филология и психология. 2021. № 4. С. 14-23. <https://elibrary.ru/bzuwge>
7. *Супрун В.И., Ван Цзянлин.* Славянские языки в современном Китае // Университетская славистика: традиции, современное состояние, перспективы: Междунар. сб. науч. ст., посвящ. 140-летию кафедры славистики Белградского университета. Белград, 2017. С. 313-325. <https://doi.org/10.18485/unislav.2017.ch22>, <https://elibrary.ru/ylrzdm>
8. *Луинов В.И.* Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатъев: К 190-летию со дня рождения. Хабаровск: Букер, 2021. 256 с.
9. *Матвеев Н.П.* Краткий исторический очерк г. Владивостока. Изд. 2-е, доп. Владивосток: Рубеж, 2012. 512 с.
10. *Врадий С.Ю.* Роль КВЖД в освоении Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2022. Т. 38. С. 134-142. <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2022-38-134-142>, <https://elibrary.ru/ywyftg>
11. *Preston D.* The Boxer rebellion: the dramatic story of China's war on foreigners that shook the world in the summer of 1900. N. Y.: Berkley Books, 2000. 436 p.
12. *Афонина Л.А.* Восстание ихэтуаней и православные мученики в Китае. М.: Наука, 2021. 224 с. <https://elibrary.ru/jatder>
13. *Тарасов А.П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: ЗабГПУ, 2003. 431 с. <https://elibrary.ru/qowehb>

14. Чаныгин И.В. Русские на территории Маньчжурии и в полосе КВЖД (период XVII – начало XX в.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 3 (12). С. 318-328. <https://elibrary.ru/vrbzmx>
15. Василенко Н.А. О численном и национальном составе населения Харбина в 1898–1917 гг. // Дальний Восток – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 62-64.
16. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправ. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 457 с. <https://elibrary.ru/qryfod>
17. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с. <https://elibrary.ru/rusouc>
18. Донецкий региолект / под ред. В.И. Теркулова. Донецк: Фолиант, 2018. 265 с. <https://elibrary.ru/hxnzoe>
19. Майоров А.П. Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 1. С. 51-55. <https://elibrary.ru/vsujgp>
20. Оглезнева Е.А. К вопросу о границах дальневосточного региолекта // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Педагогика. Филология. Философия. 2014. № 10-11. С. 65-68. <https://elibrary.ru/sxydbz>
21. Оглезнева Е.А. Русский язык в условиях контакта с китайским языком: формы и варианты взаимодействия // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. Вып. 9. С. 7-14. <https://elibrary.ru/hihhbc>
22. Супрун В.И. Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов (размышления по поводу книги: Донецкий региолект / под ред. В.И. Теркулова. Донецк: Фолиант, 2018. 265 с.) // Неофилология. 2020. № 24. С. 836-845. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845>, <https://elibrary.ru/jxlbag>
23. Супрун В.И. Континуальность общенародного русского языка: диалекты – социолекты – городская речь – региолекты // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (159). С. 91-98. <https://elibrary.ru/jafflp>

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 576 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M.M. *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, 445 p. (In Russ.)
3. Gumbol'dt V. *Yazyk i filosofiya kul'tury: per. s nem.* [Language and Philosophy of Culture: Translation from German]. Moscow, Progress Publ., 1985, 452 p. (In Russ.)
4. Gerd A.S. (general ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 17* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 17]. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, 671 p. (In Russ.)
5. Kuznetsov S.A. *The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Beijing, Shangwu Yinshuguan Publ., 2020, 1492 p. (In Chinese)
6. Suprun V.I., Weng Jiatong. Russian sources on the history of Sinoisms: reports on China in Russian texts of the 17th–19th centuries. *Vestnik DoNNU. Seriya D: Filologiya i psikhologiya = Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*, 2021, no. 4, pp. 14-23. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bzuwge>
7. Suprun V.I., Wang Jinglin. Slavic languages in modern China. *Mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 140-letiyu kafedry slavistiki Belgradskogo universiteta «Universitetskaya slavistika: traditsii, sovremennoe sostoyanie, perspektivy»* [International Collection of Scientific Works Dedicated to the 140th Anniversary of Slavic Studies Department of the University of Belgrade “University Slavistics: Traditions, Current State, Prospects”]. Belgrad, 2017, pp. 313-325. (In Russ.) <https://doi.org/10.18485/unislav.2017.ch22>, <https://elibrary.ru/ylrzdmd>
8. Lushnov V.I. *Rossiiskii upolnomochennyi v Kitae general Ignat'ev: K 190-letiyu so dnya rozhdeniya* [Russian Commissioner in China General Ignatiev: On the 190th Anniversary of His Birth]. Khabarovsk, Buker Publ., 2021, 256 p. (In Russ.)
9. Matveev N.P. *Kratkii istoricheskiy ocherk g. Vladivostoka* [Brief historical Sketch of Vladivostok]. Vladivostok, Rubezh Publ., 2012, 512 p. (In Russ.)
10. Vradii S.Yu. Chinese Eastern railway in the development of Russia Far East and Northeastern China. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN = Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, 2022, vol. 38, pp. 134-142. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2022-38-134-142>, <https://elibrary.ru/ywyftg>

11. Preston D. *The Boxer Rebellion: The Dramatic Story of China's War on Foreigners That Shook the World in the Summer of 1900*. New York, Berkley Books Publ., 2000, 436 p.
12. Afonina L.A. *Vosstanie ikhehtuanei i pravoslavnye mucheniki v Kitae* [The Yihetuan Rebellion and Orthodox Martyrs in China]. Moscow, Nauka Publ., 2021, 224 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jatder>
13. Tarasov A.P. *Zabaikal'e i Kitai: opyt analiza mezhdunarodnykh svyazei* [Transbaikalia and China: Experience in Analyzing International Relations]. Chita, TSU Publ., 2003, 431 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qowehtb>
14. Chapygin I.V. Russians in Manchuria, and in the KVZHD band (17th – beginning 20th centuries). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2014, no. 3 (12), pp. 318-328. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vrbzmx>
15. Vasilenko N.A. O chislennom i natsional'nom sostave naseleniya Kharbina v 1898–1917 gg. [On the numerical and national composition of the population of Harbin in 1898–1917.]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Dal'nii Vostok – Severo-Vostok Kitaya: istoricheskii opyt vzaimodeistviya i perspektivy sotrudnichestva»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Far East – Northeast China: Historical Experience of Interaction and Prospects for Cooperation”]. Khabarovsk, Chastnaya kolleksiya Publ., 1998, pp. 62-64. (In Russ.)
16. Gerd A.S. *Vvedenie v ehntnolingvistiku: kurs lektsii i khrestomatiya* [Introduction to Ethnolinguistics: Course of Lectures and Reader]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2005. 457 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qryfod>
17. Zhrebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Glossary of Linguistic Terms]. Nazran, Piligrim Publ., 2010, 486 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rusouc>
18. Terkulova V.I. (ed.). *Donetskii regiolekt* [Donetsk Regiolect]. Donetsk, Foliant Publ., 2018, 265 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hxnzoe>
19. Maiorov A.P. Regional dialect and regional words in contemporary linguistic Russia. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka = Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2016, vol. 75, no. 1, pp. 51-55. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vsujgp>
20. Oglezneva E.A. To the issue of the borders of the far eastern regional varieties of the Russian language. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Filologiya. Filosofiya = Scientific journals*, 2014, no. 10-11, pp. 65-68. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sxydbz>
21. Oglezneva E.A. Russian language in terms of language contact with Chinese: forms and options of interaction. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya = Socio- and Psycholinguistic Studies*, 2021, issue 9, pp. 7-14. <https://elibrary.ru/hihhbc>
22. Suprun V.I. Regiolect vs dialect: new searches of ethnolinguists (Reflections on the book: Donetsk regiolect / edited by V.I. Terkulov. Donetsk: Folio, 2018. 265 p.). *Neofilologiya = Neophilology*, 2020, no. 24, pp. 836-845. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845>, <https://elibrary.ru/jxlbag>
23. Suprun V.I. The continuity of the national Russian language: dialects – social dialects – city speech – regional dialects. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2021, no. 6 (159), pp. 91-98. <https://elibrary.ru/jafflp>

Информация об авторе

Цзян Синьхао, аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0008-3954-7544>, 1229723750@qq.com

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 25.10.2023
Поступила после рецензирования 22.01.2024
Принята к публикации 15.02.2024

Information about the author

Jiang Xinhao, Post-Graduate Student, Russian Language and Teaching Methods Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0008-3954-7544>, 1229723750@qq.com

Contribution: main study conception, literature search and analysis, manuscript drafting and editing.

Received October 25, 2023
Revised January 22, 2024
Accepted February 15, 2024